

Василий Елисеевич Литко (1900-1939)

Начать историю жизни и творчества В.Е.Литко хочется выдержкой из книги О.О.Ройтенберг, посвящённой художникам лирико-романтической ориентации 1920–30-х гг., расцвет творчества которых пришёлся на первые послереволюционные десятилетия.

Художники этого поколения «...вошли в жизнь открылленно и дерзко. С обострённым ощущением сопричастности делам и дням страны. С нравственным максимализмом, при котором без высоких слов живут по высокой мерке самоотдачи, доверчиво выказывая и свою любовь, и свое лирическое чувство, что и предредило схожую участь светлых, горячих людей,

Автопортрет. 1930-е. Бум., смеш. техника. 13x11,6

начало творческих биографий которых оказалось звёздным мгновением.»¹ Эта характеристика, как никакая другая, точно и красочно передаёт особенность тогдашней передовой художественной молодёжи.

«Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте революцию...» – этот призыв, написанный А.Блоком в 1918 г., захватил собою умы и настроения многих молодых людей, иногда ещё не успевших поменять винтовку на кисть, но уже с надеждой смотрящих в будущее, чтобы создавать новое искусство, искусство, равного которому ещё не знала история. Это было время особых людей. Нужен был не просто талант. Нужна была отвага и смелость. Художник той революционной поры должен был иметь бесстрашие,

чтобы побеждать не только голод и разруху, но и собственные сомнения и неудачи. Новая Советская Россия должна была отстаивать свою независимость и политическую свободу. Можно по-разному относиться к политическим и идеологическим взглядам В.Литко. В задачу статьи не входила оценка политических взглядов художника. Нашей задачей является показать картину жизни и творчества этого позабытого автора. При подготовке этой статьи использовался материал к посмертной выставке В.Е.Литко из журнала Союза Советских Художников «Творчество» за 1940-й год. Итак, начинаем...

Жизненный путь художника проходил в стороне от манифестов и деклараций различных художественных объединений и группировок. На это у него просто не было времени. Романтика революции сразу и полностью захватила Василия Литко, погрузив его в бешеный круговорот меняющихся событий. Основанием для такой страстной вовлечённости в революцию была сама жизнь художника с его ранней погружённостью в бурлящие потоки народного сознания, воплощая собой горьковский тип человека нового времени. В 1916 г. В.Е.Литко, происходящий из разночинной среды, поступает в Петроградскую Академию художеств. Одновременно с обучением в Академии, будущий художник работает грузчиком, каменщиком, молотобойцем. Сразу после революции увлечённый революционными идеями молодой художник бросает Академию и вступает в военные рабочие дружины. В 1918 г. работает в Царицыне, как художник-оформитель в газетах «Южная правда» и «Солдат революции». Разрушительный взрыв прежних и устоявшихся форм социально-политической жизни привлекал В.Литко своими новыми возможностями. Казалось, что и искусство взрывается, порождая из осколков старого новые художественные формы и перспективы. Менялись зрители, а также сами цели и задачи искусства. «Газет не хватало, многие читали ещё по складам, а разноцветные рисунки, остроумные и простые, останавливали людей. Они были и праздником для глаз, и жадно поглощаемыми новостями...»² В 1919 г. В.Литко, уже получивший боевой и руководящий опыт, находится на должности комиссара Инженерно-командных курсов в г. Екатеринославе. Как командир и идейный большевик, находясь на самом острове революционных преобразований, принимает участие в боевых действиях против подразделений атаманов Григорьева и Махно. В доме Екатеринославского военкомата художник пишет живописное панно со сценами недавних сражений, но после захвата города войсками генерала Деникина, это произведение было уничтожено. Оно было одним из немногих, к сожалению, несохранившихся, опытов

Могильщик рабочих предложений.
1933. К., тушь, перо. 17x15

художника-графика в области монументальной живописи. Перед наступлением Белой армии в сторону Екатеринослава, художник должен был быть эвакуирован в тыл. При эвакуации, войсками красных в городе были забыты важные документы, которые не должны были попасть в руки белогвардейцев. Выполнить поручение командования красных по поиску и уничтожению забытых документов добровольно вызвался художник Василий Литко. Этот поступок может служить своего-рода декларацией жизненных ценностей художника-бойца, стремящегося

Совет и Кооператив. Конец 1920-х. Бум., тушь, кисть. 12x18

Добро пожаловать. Конец 1920-х.
Бум., акв., тушь, перо. 22x32,5

всегда находиться на острие событий. Он выполнил задание, но на обратном пути к своим, был задержан белыми патрулями и попал в контрразведку. В тюрьме Литко провёл восемь месяцев, пока не был освобождён конницей Будённого. Из тюрьмы его, еле живого, перевезли в тыл, в Харьковский госпиталь. Немного поправив здоровье, по своему настоянию, он опять едет добровольцем, на этот раз уже на польский фронт, где работает комиссаром цинкографии и литографии Армии Западного фронта. Агитационные возможности тиражной графики были тогда сильно востребованы в войсках. «Ведь гравёры, рисовальщики и иллюстраторы той поры, в своём камерном чёрно-белом мире жили теми же мыслями и страстями, что и создатели произведений монументальных...»³ Одновременно, Литко делает плакаты и наброски, участвуя в «Окнах Сатиры РОСТА» Запвонюкруга и в красноармейском фронтовом журнале «Красный шмель». Это было время экспериментов и новаторства, характеризующееся стремлением соединить стремительно-острое ощущение своего времени с рафинированной профессиональной культурой. Именно это противоречивое сопоставление изящества камерных графических форм и грубого

напора революционной агитации породило собой агрессивно-угловатую эстетику нового искусства. На злобу времени, умножались техники и возникали новые графические приёмы. Эти настроения не прошли и мимо творчества Василия Литко. То, что появлялось в искусстве той поры, постепенно образовывало новую зримую атмосферу эпохи со своим неповторимым стилем. В графических работах тех лет прослеживается единый ответ строгого и сурового изящества, какой-то особой, резкой, угловатой и лаконичной ясности. Эти пластические особенности стали своего рода стилем и почерком, на котором время вело свою незримую летопись. Но вернёмся к дальнейшим событиям в биографии Василия Литко...

После окончания войны с белополяками Литко командируют в Академию художеств для окончания художественного образования. Болезненное состояние

не позволяет Литко жить в Ленинграде, и его переводят в московский ВХУТЕИН, который он оканчивает в 1924 году. Здесь начинается новый период в жизни и творчестве художника Василия Литко. Обучаясь во ВХУТЕИНе, Литко сам преподает в Кремлёвской Объединённой школе ВЦИК, а также, как график сотрудничает с рядом московских издательств (в 1921–1925 гг. он иллюстрировал книги и оформлял обложки в издательстве ОГИЗ «Московский рабочий», ЗИФ, в журналах «Металлист» и «Деревообделочник»). В 1925–26 годах Литко работает в Вятке, в издательстве «Вятская Правда», «Вятская деревня», «Южный пахарь». В 1927–28 гг. работает в издательствах «Молодая Гвардия» и в ГИХЛ (Государственное издательство художественной литературы). В 1929 г. Белгосиздат просит ОГИЗ прислать опытного графика для работы по оформлению книг для нужд и задач возрождающегося послевоенного хозяйства. ОГИЗ командует в Белоруссию Литко. В Белгосиздате Литко иллюстрирует целый ряд книг для детей и юношества, из которых, как наиболее удачные, следует отметить «Амок» и «Полесские робинзоны». В 1931 г. художник работает в Учпедгизе, оформляя и иллюстрируя буквари и учебники для средней школы и Красной армии. Это было время активной и плодотворной работы со многими известными художниками и писателями того времени. Фундаментальные основы подхода к формированию книжной эстетики той поры ещё в двадцатые годы заложил детский отдел Госиздата, руководимый С.Маршаком и В.Лебедевым. Это было время наивысшего расцвета послереволюционного книгоиздания. Многие известные художники сознательно и целеустремлённо работали над созданием новой советской литературы. Это требовало особого

Спящая женщина. 1930-е. Бум., кар., уголь, соус. 24x36

подхода и сосредоточенности, т. к. новым было всё, начиная с формы и содержания самого произведения, заканчивая самым пониманием книги, как целостного, конструктивного организма, естественного метода сотрудничества литератора и художника. Поэтому Литко, как всегда привыкший находиться в самом центре важнейших проблем и задач своего времени, с увлечением погружался в кипящую работу по созданию новой советской книги. Одновременно он готовит

серию портретов русских писателей, а также как иллюстратор работает над произведениями европейских литературных классиков. В 1932–34 гг. Василий Литко командирован на работу в Подмосковский угольный бассейн, где сотрудничает как художник в газетах «За уголь» (г. Богородицк) и «Московская кочегарка» (г. Бобрик-Донской), поднимая эти издания на более высокий уровень и обогащая их опытом, полученным за время своей работы в крупных издательствах. Меняющиеся задачи государственного строительства

Кутчиха. 1930-е. Бум., смеш. техника. 40x32

ставят перед художником новую проблематику. С 1935 по 1937 гг. он готовит серию пропагандистских плакатов для колхозников (в «Колхозной многотиражке» издательства Наркомзём). В 1938–39-х – работа в Воениздате: плакаты и книги для Красной армии. Один из его последних плакатов – «Военная присяга». Профессиональная жизнь художника Литко была настолько востребована и тесно связана с пульсирующей жизнью страны, что у него практически не оставалось времени для личного творчества. В его жизни не возникало лирических пауз и созерцательного простоя, не было времени для передышки. Он жадно жил и жертвенно отдавал всего себя без остатка служению собственному идеалу борьбы и нравственной справедливости.

Василий Литко всю свою творческую жизнь работал только как график. Коллегам были известны лишь два-три этюда маслом, которые художник делал, находясь в Вятке («Разлив реки в Вятке» и др.). Отдельное место в творчестве Литко занимают психологически-выверенные графические портреты современников. Законченных портретов у мастера немного. Для него всегда был важен момент и характер портретируемого.

Зато в его наследии – большое количество портретов-зарисовок и набросков, которые он, по словам друзей и знакомых, вдохновенно изготавлял сотнями. Лишний раз поражаешься громадной трудоспособности и страстности этого художника. Литко так жадно стремился запечатлеть окружающих его людей, что у него просто не было времени превращать эти зарисовки в законченные портреты. Ведь и сама жизнь с каждым годом менялась, как менялись люди и их внешние черты. На смену пламенным борцам за свободу и низвергателям старых ценностей приходили люди, задачей которых было уже не разрушение, а созидание. Страна превращалась в гигантскую стройку. И художник из года в год, неустанно, лаконично и остро, иногда по памяти, создавал настоящую галерею людей Октября. По этим зарисовкам можно было бы написать очерк, настолько они были разнообразны, характерны, ярки и типичны. Но все эти зарисовки не были случайными. На свою работу художника Литко всегда смотрел, как на один из методов пропагандистской,

Грузчики. 1939. Бум., смеш. техника. 40,5x32

агитационной борьбы, как на один из методов воспитания Нового Человека. Художник большую часть своего времени проводил среди трудовых людей – в шахте, в рабочих общежитиях, в колхозном поле, делая эскизы и зарисовки. Он стремился поймать и почти репортажно, документально запечатлеть каждый миг уходящей истории. В этот момент Литко не стремится к поиску внешне оригинальной модели, его интересует живой человек, олицетворяющий время, – новый, борющийся и созидающий. Таких людей художник находил среди лучших своих моделей

– ударников-забойщиков, изотовцев-крепильщиков, комсомолок-выдвиженков, энтузиастов-учителей, инженеров-изобретателей, передовиков-колхозников. Когда перелистываешь альбомы Литко, на вас смотрят простые, крепкие, иногда грубые и рубленые лица, олицетворяющие собой тип героев нового пролетарского государства. В набросках остро схвачены характерные черты, переданные часто с большой художественной обобщённостью и типично графической лаконичностью. Особенно убедительны были наброски, сделанные тушью. В умелом использовании чёрного цвета, Литко близок лучшим современным ему графикам. Тут есть влияние Моора, Кольвица, Валлотона, Мазерееля (влияние которого ощущается в ранних работах художника, где проявляется тяга к неким деформациям и гротескности). Постепенно художник освобождается от влияния модных тенденций и поиска формальных приёмов в своём искусстве. В его последних набросках хотя и использована так любимая им экспрессия живописного растушёванного пятна, но с большим чувством меры и без прежней декоративной самоценности. В ряде других работ художника также чувствуется желание освободиться от чрезмерной «графической живописности»; отсюда увлечение чисто линейным рисунком, доведённого часто до сухой, изощрённой стилизации и даже манерности. Со второй половины тридцатых годов заметно изменились, как творческий метод, так и вся эстетика автора. Искусство Василия Литко стало более мягким, изысканным, тонким и даже где-то лиричным (серия женских портретов 1935–39 гг.) Возможно, сказался благотворный опыт творческого взаимодействия художника с книгой. Дальнейшим шагом в этом поиске формы, линии и композиции, можно считать полное обращение автора к традициям реалистической школы рисунка. Подтверждением этому может послужить большое количество набросков и рисунков, выполненных с подчёркнуто внимательным отношением к натуре. На посмертной выставке художника, прошедшей в 1939 году в Москве, в Выставочном Зале МОССХа, в Ермолаевском переулке, д. 17, была представлена лишь малая часть работ этого художника-бойца. Его короткая и трагически оборвавшаяся жизнь не дала ему возможности осуществить все творческие замыслы и развернуться в большого мастера⁴. Творческое наследие этого позабытого художника еще ожидает своего исследователя, ведь помимо художественных качеств, его произведения, как и сама его жизнь, являются настоящими документами эпохи первых революционных десятилетий.

Виталий Лаврушин
(www.artgallerylavrushin.ru)

Примечания

1. Ройтенберг О.О. Неужели кто-то вспомнил, что мы были...: из истории художественной жизни 1925–1935. М.: Галарт, 2008. С. 24.
2. Герман М. Сердцем слушаю революцию. Л.: Аврора, 1980. С.22.
3. Там же. С. 27.
4. Статья написана по материалам журнала Союза Советских Художников «Творчество». 1940. №6. М.: Гос. изд-во «Искусство». С. 16-17.